

Скрипова Е.Я.

История
одной семьи

Евгения Скрипова
История одной семьи

«Автор»

2026

Скрипова Е.

История одной семьи / Е. Скрипова — «Автор», 2026

Воспоминания о послевоенном детстве. История основанная на реальных событиях.

© Скрипова Е., 2026

© Автор, 2026

Евгения Скрипова

История одной семьи

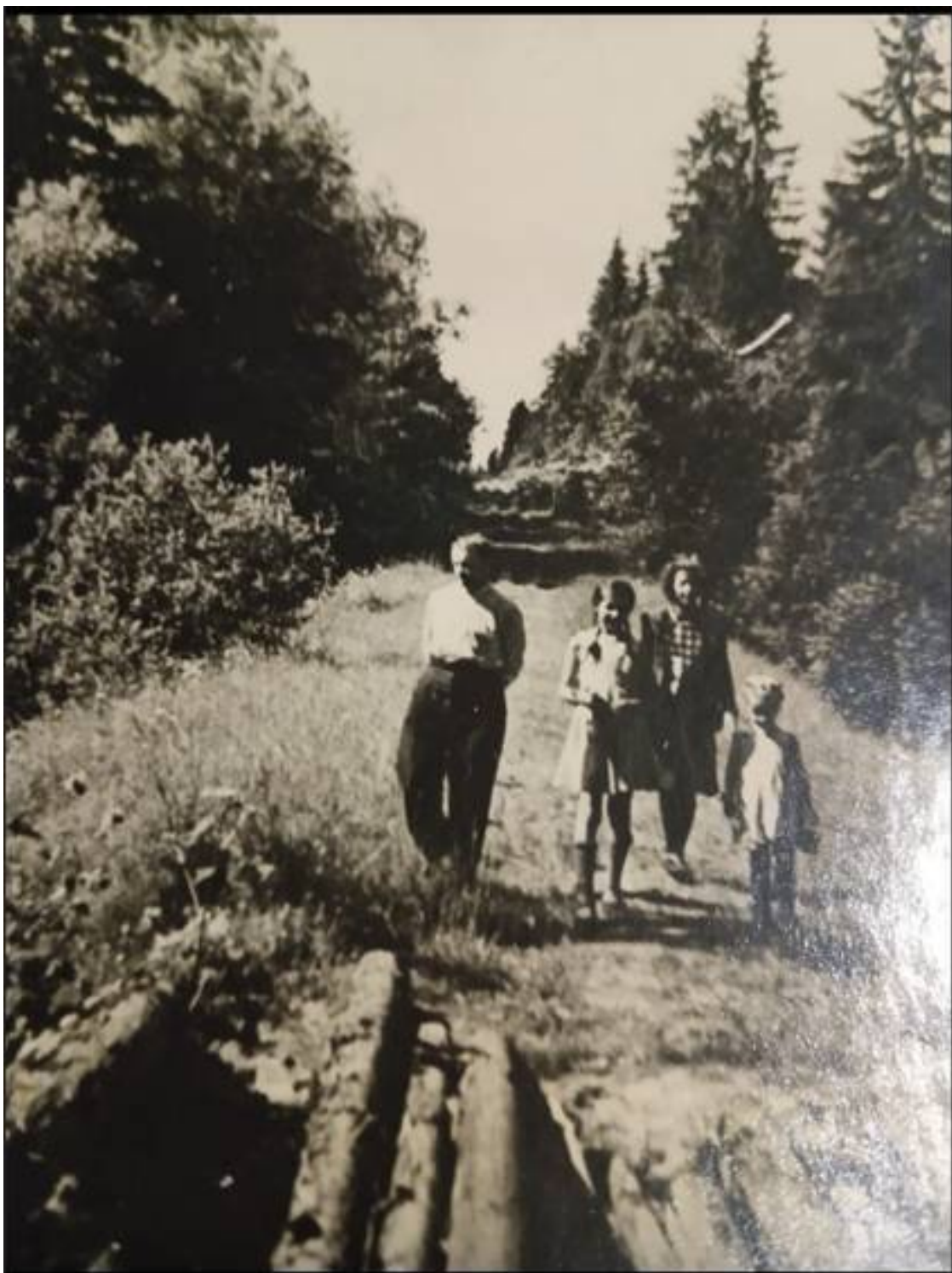
«В память бабушке»

История одной семьи или история, у которой нет конца.

Эйзенберг Александр Николаевич - не был ни чём виноват. Его арестовали в ночь с пятого на шестое число. По рассказам моей мамы все произошло очень быстро. Звонок, громкий стук сапог и в коммунальную квартиру вошли сразу несколько человек, которые прошли прямо в комнату и через некоторое время вывели дядю Шуру в наспех накинутом пиджаке.

Он успел только сказать: «это ошибка, я скоро вернусь». Когда мы вошли в комнату, то увидели разбросанные вещи и записку на столе: «если родится сын, назови Володей». Его жена в это время была в роддоме. Родился сын Володя. И когда их выписали из роддома, то в 24 часа они были высланы из Ленинграда без права на работу и фактически оказались на грани выживания. Только после войны родственники нашли их в Махачкале в ужасном состоянии и с большим трудом добились их возвращения в Ленинград! Александр Николаевич и его жена были реабилитированы только в 1957 году. Эту историю мне рассказала мама.

Беззаботное детство (с Маргошей и с родителями на даче) 1947 год

Кажется эта деревня называлась Войсковицы. Она располагалась в Гатчинском районе Ленинградской области. Став взрослой, я прочитала, что туда любил приезжать на охоту Российский Император Николай II.

Родители сняли там дачу, чтобы нас малышей вывезти на свежий воздух. Я всю зиму провела в больнице, Маргоша зимой тоже много болела. И вместе с тетей Олей нас отправили на дачу.

Я очень хорошо помню, как мы там жили. Хозяйские дети Васятка и Ванятка спали на полу. Маргоша сделала шалаш, и я ела только там. Хотя, наверно, правильнее сказать, я вообще ничего не ела. Мне хорошо запомнились хозяйские макароны, слипшиеся в липкий монолитный ком. Тогда я думала, что Васятка и Ванятка потому такие сильные, что едят эти грязновато-серые трубочки. Но когда я попробовала их, то сразу же выплюнула, потому что они были отвратительные на вкус, без соли и без масла. Вот такая была послевоенная жизнь в деревне.

От Васятки и Ванятки я узнала слова: «тама», «туда» и конечно же стала их повторять. Но всех это шокировало и меня долго отучали. Меня уже тогда тянуло ко всему необычному.

Это прапрабабушка и прапрадедушка, которые умерли от голода в блокадном Ленинграде зимой 1942 года.

Мою прапрабабушку звали Феодосия Мироновна Скрипова. А прапрадедушку - Владимир Александрович Скрипов.

Скрытов Владимир Александрович, 1870, мещанин из г. Кунгур, призван в 1891 году, зачислен в ополчение.

На Мойке рядом с капеллой с правой стороны стоит дом, в котором жили и в 1942 году ушли в мир иной мои прадедушка и прабабушка, супруги Скриповы. Они умерли от голода во время блокады.

Всех погибших и умерших в Ленинграде хоронили в братских могилах: на Пискаревском кладбище, в парке Победы, на Смоленском кладбище.

Но немцы целенаправленно обстреливали Смоленское кладбище, потому что там рядом были военные заводы. В моих детских воспоминаниях навсегда осталось, как во время прогулки

в детском саду мимо нас проезжали грузовики, покрытые брезентом и из-под него, торчали ноги, а дети старших групп кричали: «покойников везут!»

И мы все дружно прятались под скамейки. Значит мне тогда было года три — это 1946 год. Город был сильно разрушен. И много было пустырей, на которых спилили все деревья и стояли сараи для дров, так как отопления не было и люди грелись буржуйками. У нас в комнате тоже стояла такая же переносная печь, изготовленная из железной бочки.

Это было на Васильевском острове и там же находилось Смоленское кладбище. Я думаю, что Скриповых похоронили именно там, потому что их дом был ближе всего к этому кладбищу. Но сразу после войны была страшная неразбериха, и документы о захоронении были утеряны.

Прапрадедушка и прапрабабушка жили на Мойке и окна их комнаты выходили на Дворцовую площадь. Я это точно знаю, потому что мне об этом рассказывал папа. Там сейчас стоит гостиница.

Там же, только выше этажом жили папины друзья, Трошинкины. Они часто бывали у нас в гостях.

До 1947 город был года закрыт. В него пускали только тех, у кого был вызов с работы. В городе было много разрушенных зданий, коммуникаций, дорог, которые нужно было восстанавливать. Я тогда уже ходила в школу, но у нас всё ещё были керосинки. О горячей воде и не мечтали. Ходили в баню и выстаивали там огромные очереди.

Но уже работали прачечные и мама в сетке сдавала белье в стирку с гладкой. Дома делать это было негде.

Очереди были везде и на всё! Карточки отменили, а продуктов не хватало. Яйца десятком в руки. Муку получали в жилищной конторе. В детсаду дети рассказывали стишок: «раз ку-ку, два ку-ку, в жакте нам дают муку». Но мы выжили...

В 1946-47 годах папе на заводе выделили грядку для посадки картошки. Весной от завода выезжали автобусы с семьями. Меня сажали в начале гряды и потом пересаживали по мере посадки. Из столовой мама и папа в бидонах приносили обеды и кормили мамину сестру тётю Олю с домочадцами, потому что в Академии художеств, где она работала, никаких обедов не было.

На рынке продавали маленькие букетики под названием корешки. Обычно там был кусочек чищенной моркови, перо или маленькая луковица, плюс какая-то зелень. На неё брызгали водой для свежести, и мы покупали эти наборы для супа. А уж если очень повезёт, то можно было купить кости для студня и кусочек мяса. Варили студень на праздники или ходили с ним в гости. А чтобы купить какие-то вещи, ездили на барахолки.

Я помню, что перед школой мне купили демисезонное пальто и ещё что-то родителям. А в основном всё перешивалось и перекрашивалось. Из старых папиных брюк мне сшили зимнее пальто. На ватине. А уж постельное бельё — это вообще особый случай.

Как-то по случаю нам удалось купить много материи мальмал. Это что-то вроде марли, только поплотнее. Штанишки, которые мне из нее сшили, были двухцветные. Верх голубой, а низ розовый. Никто на это не обращал внимания, что было из того и шили.

Но как-то все-таки выросли...

До школы я много болела. И часто лежала в больнице. Однажды наша воспитательница заразил всю группу дифтеритом. Помню синий свет в палате и плач маленького грудничка. Его мама носила по палате, а моя мама могла меня видеть только через окно. И поэтому я часто плакала.

В больнице мне давали чай с лимоном и с тех пор я его не очень люблю.

Моя голова была обрита наголо, потому что боялись вшей. Летом меня с детским садом не взяли на дачу, и я вместе с Маргошей и тётей Олей жила на родительской даче в Войковицах. У тётки Оли получались очень вкусные чёрные солененькие гренки. С тех пор я и сейчас делаю

себе такие на завтрак. Ну вот кажется всё о моём послевоенном детстве. Немного ниже напишу про маму и про папу.

Антибиотики в продаже появились, кажется, в 1957 году. Я опять попала в больницу с дизентерией. В школе нам дали несвежие сосиски. Холодильников в Советском Союзе тогда ещё ни у кого не было. А о телевизоре вообще никто и не мечтал.

На одной из фотографий, вместе с семьей Скриповых и юной Раей стоит мальчик. Это Виктор Скрипов. Он увлекался джазом и играл на трубе. В 20-30 годы джаз был запрещен. Считался буржуазным. А потом Виктор куда-то исчез.

Приблизительно в 1890-1895 году Николай Эйзенберг встретился с Терезой-Каролиной Кох. Стали они жить поживать и добра наживать. У них родилось 12 детей: 10 мальчиков и 2 девочки, из которых к маю 1945 года в живых остались 3 мальчика и 2 девочки. У одной девочки, по имени Ольга, родились ещё две дочери, Инга и Маргарита. А у другой девочки, Марии родилась только одна дочь, Евгения.

У двух братьев тоже были дети, но это уже другие ветки Эйзенбергов и я о них пока писать не буду. А говорить буду о Скриповых.

В доме 15 на 12 линии, в квартире 24, родились и с 1909 года жили Скриповы и Эйзенберги. Но потом они постепенно покидали родные стены и разлетались, кто куда.

Жизнь была многогранная и многослойная, но интересная. В ней было всего понемногу: и горя, и радости. Любви и предательства. Всё было в этом доме и всего хватало!

Но я до сих пор люблю этот дом, эту улицу и весь наш Васильевский Остров. Хотя аура там сейчас совершенно другая. Ведь есть же дома - музеи. А жить в музее нельзя!

Небольшая справка о нашем доме из яндекса. [Теперь доходные дома называют кооперативными.](#)

Этот дом был многострадальным, потому что во время войны Васильевский остров больше всего подвергался обстрелам. Все соседние дома были практически уничтожены. Если обойти наш дом вокруг, то можно увидеть глухие кирпичные стены. А в них кое-где оконные проёмы. Окна были установлены уже после войны, при восстановлении города. А на месте разрушенных домов разбивали скверы, или, если сохранялись остатки стен, их перестраивали и переоборудовали под жилые помещения. Впоследствии эти временные жилища расселялись и передавались для общественных нужд.

Да, дому и его жильцам доставалось с лихвой. Его построили в начале 1900х годов как доходный (кооперативный). Квартиры выкупили обеспеченные люди, и они перешли в их частную собственность. Однако в 1917 году в России произошла смена власти, и новым руководством был провозглашён лозунг: «Кто был ничем — тот станет всем!»

Из частных квартир стали лепить коммуналки.

В нашу квартиру сначала подселили одного человека. Он жил одиноко, был нелюдимым, ни с кем не общался и даже в туалет выходил только ночью. Потом он выехал из квартиры и к нам подселили молодую семью, которая быстро сблизилась с нами. Эта дружба продолжалась многие годы. Ну, а потом ввели индивидуальные лицевые счёта на жилую площадь и моей маме досталась только кладовка в 8 квадратных метров. Все думали, что это ненадолго, но как говорится, нет ничего более постоянного, чем временное. Наше «временное» продлилось до 1969 года.

Увы! Поговорка «в тесноте да не в обиде» не всегда отражает суть.

Шли годы. С момента покупки моим дедом квартиры в 1909 году произошло много чего кардинального. В августе 1914 года началась 1 мировая война, а в октябре 1917 года произошла революция! Потом Гражданская война! Голод двадцатых годов! Эпидемия сыпного тифа и «испанки», от которой умер мой дедушка, Николай Эйзенберг.

И в довершение ко всему страшная безработица!

Перед государством вполне реально возникла угроза падения советской власти из-за социального взрыва. И тогда ввели НЭП. Новая экономическая политика очень напоминала то, что мы впоследствии пережили в 90-е годы.

Волею судеб Скриповы пересекаются с Эйзенбергами. Ольга Эйзенберг вышла замуж за Анатолия Скрипова! 19 июня 1930 года на свет появилась Инга. Все были рады и счастливы. Её конечно же очень любили. Инга была весела, умна и тоже бесконечно всех любила.

Но от всех событий и переживаний у Ольги обострилась болезнь сердца, полученная ещё в детстве. Причиной болезни стали детские многочисленные простуды.

И все дружно стали помогать семье Ольги, кто чем может. Ведь у неё сердце! Анатолий - художник, он весь в своем творчестве. Но после НЭПа молодую советскую республику не очень интересовало творчество. Деньги если и платили, то их хватало только на кисти и краски, холсты и подрамники. А надо кормить семью. И моя мама начинает всячески помогать своей любимой сестре. А тут 12 апреля 1937 году рождается Маргарита!

Красивая белокурая девочка радовала всех и каждый стремился помочь молодой семье, на время забыв о своей личной жизни. А у Анатолия был брат Яков, которому тоже не безразлична жизнь брата. У него умерла первая жена и осталась дочь Нина, но он тоже всячески помогал семье брата.

Жизнь вроде бы стала налаживаться, но 22 июня 1941 года началась война.

И началась неразбериха: кто, куда. Из Ленинграда начали эвакуировать заводы, Академию Художеств и маленьких детей. Как правило заводы эвакуировали в течение 24 часов и без семей. И самое трагичное, что всех военнообязанных мужчин мобилизовали в действующую армию.

В семьях начался переполох, плач и слезы расставания!

Маргоша перед отправкой в эвакуацию.

Маленькая девочка Маргоша со временем выросла в талантливую театральную художницу — кукольницу, Маргариту Скрипову-Ясинскую, работающую для кино и телевидения. Она автор кукол для «Большого фестиваля» — Хохи, Тото, Веснушки; образа собаки для серии «Собака Баскервилей», из приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона, Чебурашки и многих других.

Инга с моей мамой Марией 1931 год

Инга с бабушкой Терезой 1935 год

С началом войны все предприятия города Ленинграда были переведены на военное положение. Стратегически важные заводы и фабрики были в 24 часа эвакуированы за Волгу, а их часть, для поддержания армии были оставлены на правом берегу Волги. Но переведены на казарменное положение.

Мама работала на фабрике Урицкого.

На всех предприятиях была организована Гражданская оборона и мама была командиром отряда по связи с центром. В её обязанности входило дежурить на крыше здания и фиксировать направление полёта самолётов и точек бомбометания.

Домой отпускали только раз в неделю.

Все работники заводов и фабрик жили тут же, на предприятиях, а старики и дети оставались в квартирах.

К марту 1942 года маму вызвали в Большой дом для вручения медали за оборону Ленинграда, так как у неё были самые точные координаты полётов самолётов немецкой армии по городу Ленинграда. Кроме того, она получила разрешение на эвакуацию по Дороге жизни для себя и кого-нибудь из родственников.

Но у мамы началась безбелковая отёчность ног. Эти отеки ещё называют «голодными», они возникают из-за критического снижения уровня белка. Белки удерживают воду внутри сосудов, поэтому их дефицит приводит к тому, что жидкая часть крови просачивается в ткани, вызывая отечность, чаще всего в области щиколоток и голеней.

Из-за болезни маме пришлось отложить отъезд и заняться лечением. Помочь ей могла только белковая пища. Но где её взять? В Ленинграде был голод. Помог случай: мама нашла в квартире плитку столярного клея. Её сначала измельчили, потом на сутки замочили в воде, затем сварили и охладили до образования желе. Получилось семь глубоких тарелок студня, которые мама и съела. После этого отёки сошли на нет, и она пошла на поправку.

Как только мама смогла ходить она сходила за моей сестрой по отцу, Ниной.

И в начале апреля им удалось выехать по Ладоге из Ленинграда. Наступила весна, лёд таял и на Ладоге уже были полыньи.

Их везли в военной «полуторке», и они, сидя в грохочущем кузове с хлопающими бортами, дрожали от страха будучи уверенными, что в любую минуту пойдут ко дну. Тогда они решили не ждать и съели весь паёк, выданный на дорогу.

Блокадный хлеб был наполовину с опилками. Питьевой воды было мало, поэтому ели всухомятку.

Вопреки страхам к утру машина всё-таки достигла берега, на котором их встретила команда медиков. После лечения и реабилитации маме предложили работу, но она решила ехать к отцу в Горький, так как Нина была тяжело больна. После встречи с отцом Нину вывезли в Свердловск, но болезнь прогрессировала, и Нина все-таки скончалась. Ей было всего 14 лет.

Однажды после тяжёлого двухсуточного дежурства на крыше, маму отпустили домой, чтобы она отдохнула и пришла в себя. Она легла спать в большой комнате. Перед этим придвинула диванчик к окну и натянула на голову ушанку своего брата. Легла и мгновенно уснула.

Через некоторое время раздался грохот, звон разбитого стекла и она почувствовала, что кто-то трясёт её за плечо. Когда открыла глаза, то увидела, что вся комната засыпана белой пылью, а брат Жоржик трясёт её за плечо, не понимая почему она здесь спит.

Оказалось, во время бомбёжки большой осколок бомбы влетел в окно, перелетел через неё и упал в середине комнаты, пробив пол и пройдя через все 6 этажей. На 5 этаже в центре комнаты стояла детская кроватка с ребёнком. Ребёнок мгновенно погиб.

А на Маргошину игрушечную обезьянку упала огромная потолочная плита. Отремонтировать игрушку уже было нельзя.

Мама работала расчетчицей на складе завода, так как в трудовой книжке была записана её предыдущая должность — бухгалтер.

Через некоторое время родителям дали домик с печуркой, сколоченный из досок и листов фанеры. Но это уже было жильё и крыша над головой.

Мама топила печку валежником и всем, чем придётся. Через какое-то время она зарегистрировалась на донорском пункте, пройдя медицинский осмотр. И как оказалось, что у мамы будет ребёнок. Маме было уже 37 лет, а папе исполнилось 44 года.

Я родилась 1 ноября 1943 года. Это был самый разгар войны, но я появилась на свет вопреки войне или может быть, вместо погибших детей. А может быть и то, и другое.

Мама родила меня на месяц раньше срока и при ужасных обстоятельствах. На последнем месяце беременности ей захотелось манной каши с мёдом. И взяв с собой какую-то вещь она пошла на рынок, чтобы купить стакан меда.

Вернувшись с рынка, мама стала варить кашу на буржуйке в ковшике, слегка помешивая кипящую кашу. Но случайно задела животом ручку ковшика и перевернула кипящую кашу себе на ноги. Начались схватки, вызвали папу, и он на закорках нёс маму до самой больницы. Скорой помощи тогда не было. Мама потом рассказывала, что и сама не знает от чего больше кричала: то ли от ожогов, то ли от родовых болей. Кесарево сечение в СССР стали делать только к 50-60-м годам.

После родов маму целый месяц продержали в больнице. А отец в это время жил на заводе, лишь иногда навещая нас.

В первой передаче папа принёс в больницу двухлитровый бидон с квашеной капустой. Видимо, с тех пор я её так люблю.

И вот наконец маме сказали, что нас выписывают из больницы. Отец пришёл в домик и обнаружил, что в доме нет ни вещей для ребёнка, ни еды. Ничего!

Папа обратился в дирекцию за помощью, и директор приказом распорядился выдать обтирочную ветошь для пеленок, распашонок и одеял для новорожденной.

Женщины завода вручную сшили для меня весь комплект распашонок и ползунков.

Но когда меня, завернутую в конверт для новорожденного, несли домой, маме кто-то крикнул: «эй, тетка у ребёнка ноги голые!»

А на улице декабрь и на градуснике минус 25 градусов! Видимо одеяло, сшитое из обтирочного материала, разошлось по швам и ноги оказались голые. Мама быстро завернула меня в своё пальто и поспешила в холодный домик.

Мама потом рассказывала, что я спала между ними и когда ночью мне меняли пеленки, то папа держал надо мной одеяло, чтобы я не мёрзла.

Ночью стены нашего домика покрывались инеем, дуло из всех щелей. О купании ребенка не могло быть и речи. Боясь простудить меня только, обтирали влажной тряпкой.

Но вопреки всему я выжила! А болезни начались значительно позже.

Мама говорила, что они жили на улице Газетная в деревне Гвоздилка.

Сейчас это большой район Гвоздилка и есть улица Газетная, на которой до сих пор стоят частные дома. Я прожила там свои первые семь месяцев.

Молодая тётя Оля в купальнике 1922 год

Купальник и шапочку тётя Оля вязала сама. Когда я подросла мама рассказывала, что во время безработицы они вязали шапочки и продавали их на рынке. А ещё они где-то нашли кукольные головки и шили к ним платья и тоже продавали. А ещё, моя тётя сделала фигурку

хампельмана (прыгающий человечек), который висел у моей кровати и его я дергала за верёвочку. А человечек принимал разные позы.

Почему-то мне его было очень жалко.

Наверное, поэтому у Маргоши куклы стали делом всей её дальнейшей жизни.

Александра очень похожа на тётю Олю. У неё такой же мягкий подбородок и похожие бёдра. А маленькая Мелина — просто вылитая Наташа. У меня есть снимок Мелинки, которая пока ещё в животе Александры.

Мы с Наташей тогда так хохотали над этим.

Этот снимок был сделан в день семидесятилетия Наташи. А через полгода её не стало.

В конце февраля 1944 года была прорвана блокада Ленинграда! Но город всё ещё был закрыт для въезда.

Мне уже три месяца. Я полностью на грудном вскармливании. Мама в декретном отпуске. Спасает только надежда на лучшее. В стране продовольственные карточки. Дров мало и мама приспособилась отапливать нашу хибару торфом с участка вокруг дома.

Солнце греет всё сильнее. Весна. Под Горьким поля с луком, который надо прореживать. И на заводе разрешили работникам завода ходить в выходной день семьями на поля, чтобы прореживать этот лук.

И вот, как-то в хороший солнечный день, мама со мной и своей соседкой, у которой тоже ребенок 4х лет, отправились в поля за луком. Мама несёт меня в котомке за своей спиной, я греюсь на солнышке. Всё прекрасно. Идти примерно километров 10.

Мама очень подвижная и позитивная, а соседка, наоборот, медлительная и любительница поворчать. Набрав кошелку лука и уложив её рядом со мной в котомку за спину, мама отправилась в обратную дорогу. Соседка вместе с ней, но она шла медленно и вскоре отстала.

Пройдя половину пути, мама решила отдохнуть и подождать соседку. Но когда она сняла со спины котомку со мной и луком, то увидела, что часть луковых перьев обсосаны и обгрызены мной. А я мирно сплю, насытившись и напитавшись витаминами.

Через некоторое время соседка с дочкой догнала маму и рухнув рядом с ней восхищённо сказала: «Ну ты и ходок!»

Отдохнув, они пошли дальше.

Наступало лето 1944 года. Мне уже исполнилось полгода и маме надо было выходить на работу. Меня должны были отдать в ясли. Таков был закон военного времени.

Мама решила позвонить в Ленинград, чтобы узнать, когда нам можно будет вернуться из эвакуации. И если надо оформить вызов, то заказать его на всю семью.

У мамы была медаль за оборону Ленинграда, которой её наградили ещё в 1942 году, и может быть поэтому вызов пришёл незамедлительно.

Но папе вызов не прислали и более того, дирекция завода отказала ему в увольнении, так как завод был военный. Тогда на семейном совете решили, что мама со мной вернётся домой в Ленинград. Родители надеялись на папину квартиру и родственников, которых у нас до войны было довольно много. И за компанию вместе с мамой поехала наша соседка с девочкой. Вызов они не получили, и решили ехать на авось.

А папа остался в Горьком, надеясь на лучшее.

Добирались в теплушках. Так называли деревянные сидячие вагоны с верхними полками. Билеты продавались без номеров вагона и без определённого места.

Посадка на поезд была по принципу "на драку-собаку" или кто смел, тот успел. И вот мама схватила меня, а соседка свою девочку и напролом рванули в вагон! Им удалось занять всю нижнюю полку. Маме со мной на руках досталось место у окна. Вещей было немного, только те, что могли понадобиться в дороге.

Ехали долго, по многим причинам поезд часто останавливался. Ещё шла война и в первую очередь пропускали воинские эшелоны.

Всю ночь сидя в темноте и духоте с ребёнком на руках, мама боялась сдвинуться с места, и попеременно перекладывала меня с одной руки на другую. Локоть, который лежал на подоконнике окна теплушки горел неизвестно от чего. Но в темноте вагона ничего не было видно. Свет не включали в целях безопасности. И утром, когда стало светать, мама обнаружила, что всю её руку искусают клопы. И не только руку...

Но ничего не поделаешь война, тут не до условий.

«Ничего страшного» - сказала мама. - «Главное добраться, ведь мы едем в Ленинград! Домой! А там всё наладится!»

Но когда поезд прибыл в Ленинград, при выходе с платформы у всех пассажиров стали проверять документы, паспорта и вызовы!

У мамы всё было в порядке, а вот соседку из Горького вместе с дочкой отвели в сторону, поскольку у неё не было вызова. Там толпилось уже достаточно много людей с детьми разного возраста!

Мама только успела крикнуть ей свой адрес. И они расстались.

Встретились вновь они только через 7 лет, когда бывшая соседка пришла к нам.

Ну а в тот день маму со мной на руках отправили в санпропускник. Медики осмотрели нас и отправили в душ. Из-за опасения эпидемии был установлен очень строгий контроль за всеми прибывающими в город.

Маму встречал дядя Жоржик на военной машине. Он сразу же отвёз нас на Васильевский в нашу квартиру. А папину комнату, как оказалось потом, занял дворник с семьёй.

Итак, моя ленинградская жизнь началась летом 1944 года, когда мне исполнилось семь месяцев.

В это время все эвакуированные постепенно начали возвращаться домой. Это было похоже на великое переселение народов. В августе вернулась тётя Оля с дочками Ингой и Маргошей. Инге было 14 лет, а Маргоше только 7. Надо было идти в школу и начинать мирную жизнь.

Квартира пострадала от бомбёжки. В большой комнате пол был серьёзно повреждён, да и всё остальное требовало капитального ремонта. Водопровода не было, большая часть окон была разбита. Но начинать жизнь было как-то надо. И дядя Жоржик взялся организовывать ремонт всей квартиры.

Конечно, он обрадовался, что мама родила меня. И всячески старался нам помочь. И первое что он сделал, дал мне лизнуть кусочек сахара. И увидев, что мне нравится сладкое, продолжил давать мне ещё и ещё, пока мама его не остановила.

У его жены не было детей. Она была балериной Московского Большого театра. И, конечно, ей было больно смотреть, как муж заботится о чужом ребёнке. Через какое-то время она уехала в Москву к своим родственникам. Наверное, это было правильное решение, потому что затеянный ремонт квартиры не позволял в ней жить.

Жизнь стала налаживаться. Мама восстановилась на работу, а меня отдали в ясли.

Когда мама привела меня, то попросила протирать пищу, потому что, кроме грудного молока я ещё ничего не могла есть. Но сразу же получила ответ: «Мы что, должны ей отдельно готовить?»

Конечно же меня накормили не протертыми овощами. В результате, я заболела диспепсией. Это такое функциональное расстройство пищеварения, проявляющееся болями, тяжестью, переполнением в верхней части живота.

Эту болезнь, лечат голодом. А мне было всего 7 месяцев.

На скорой помощи меня увезли в больницу, маму срочно вызвали с работы, чтобы она ухаживала за мной. И началась борьба за выживание!

Почти неделю я пила только воду. Не помогало даже грудное молоко. Любая пища выходила наружу через все отверстия. И вот через неделю нахождения на голодном пайке, мне решили дать малюсенькую ложечку манной каши.

Я почмокала языком, распробовала вкус и стала требовать, чтобы дали ещё. Врач заулыбался и сказал, что я буду жить. Мне разрешили постепенно увеличивать дозу кормления до нормальной. Восстановление проходило в больнице под наблюдением врача. Мама находилась в палате вместе со мной.

Диспепсия очень страшная болезнь. Её последствия я ощущала и ощущаю до сих пор. Пониженный тонус организма вынуждал меня преодолевать это малоприятное состояние. Постоянные головокружения, потливость, слабость и тому подобная симптоматика преследуют меня всю жизнь.

Наконец-то нас с мамой выписали из больницы. И мы вернулись в свою квартиру на 12й линии Васильевского острова. И когда я окрепла, то вновь пошла в ясли, а мама вернулась на работу.

Тогда в магазинах продукты выдавались по карточкам. Только самое необходимое. А ясельникам детское питание выдавали на кухне в яслях. И вот однажды вечером, когда мама пришла на кухню, она увидела там кошку и возмутилась: «Что это такое?! Почему у вас кошка на кухне!» Судя по всему, мама говорила на повышенных тонах.

Кошка проснулась, выгнула спину и настороженно застыла, а в это время я притопала на кухню, испугалась и попятилась назад. Ударившись затылком я зацепилась волосами за раковину и стала громко плакать. Поднялась суматоха.

Мама схватила меня, забрала провизию и ушла домой. Видимо от этого с тех пор я побаиваюсь кошек. Они меня гипнотизируют. И вообще к животным подхожу с осторожностью. Появились фобия и какая-то брезгливость.

Вообще, я уже заметила, что все детские переживания и фобии отражаются на дальнейшей жизни. Во всяком случае у меня так и получилось.

Немного цифр по нашей семье:

У моей бабушки было 9 детей, рождённых в период 1899 - 1917 годы. Деньги и зарабатывал только муж. После 1945 года в семье живых осталось только 5 человек.

Двое детей умерли в эпидемию «испанки». Одного сына расстреляли в 1938 году. Ещё один погиб во время войны. У двух дочерей родились три девочки. У старшего сына родилась одна девочка.

У расстрелянного сына в день ареста родился мальчик. А ещё у одного из сыновей родились и мальчик, и девочка. У пятого сына детей не было.

А что произошло в стране за период с 1900 по 1945 годы?

1. Первая мировая война
2. Первая революция
2. Вторая революция
4. Гражданская война
5. НЭП
6. Индустриализация (переселение из сёл)
7. Раскулачивание
8. Террор (аресты и обстрелы без суда и следствия)
9. Великая Отечественная война!

И всё это надо было не только пережить, но и остаться человеком!

По Дарвину человек произошёл от обезьяны. Но что-то за мои 80 лет я так и не познакомилась с таким человеком. А вот процессов в обратную сторону сколько угодно!

Говорят, что трудности закаляют человека. Но всему есть предел. Когда трудностей через край, человек ломается. Но, этот вопрос к философам. А я пишу о жизни моей семьи.

Итак, мы с мамой вернулись в Ленинград и стали жить в нашей квартире на Васильевском, хотя жить в ней было невозможно. Ей требовался капитальный ремонт и нужно было успеть его сделать к осени. Тогда должны были вернуться все жильцы нашего дома. А во всём доме повреждён водопровод, окна разбиты, взрывной волной вынесло рамы, канализация не работает. Но сам дом устоял.

Я уже писала про наш кооперативный дом. Теперь хочу написать и про жильцов. Это были большие семьи, в которых было много детей. В нашем доме жили евреи, финны, немцы и, конечно же, русские. До революции семьи жили хорошо и были вполне обеспеченными.

Все мужчины работали и относились к дому по-хозяйски. Например, один жилец был главным аптекарем в аптеке Пелля и если он видел разбитое окно, то сразу же находил новое стекло и вставлял его в раму. И делал это с удовольствием. Так поступал каждый глава семьи. Никто не ждал, что кто-то придёт и наведет для них порядок.

Жили дружно и помогали друг другу чем могли.

Так было, конечно, не всегда, но такое поведение считалось привычным и естественным. В нашей квартире и в нашей семье тоже было очень дружно, но лишь пока у братьев не появились жены и не началась делёжка на «твое-мое».

В основном делили имущество и квадратные метры. Сестры Ольга и Мария пытались всех примирить, но это не всегда получалось.

Как в любом коллективе есть свой лидер, так и у нас главным был Георгий, которого мы дети звали, дядя Жоржик. Он всячески пытался собрать и воссоединить семьи. Искал и нахо-

дил тех, кто пропал во время войны. Так он нашёл жену своего расстрелянного брата и помог ей вернуться в дом. А уж сколько он возился со мной, об этом можно говорить бесконечно.

Большое спасибо ему за всё!

Когда летом 1944 года мы вернулись в Ленинград дядя Жоржик был весь седой! И волосы, и борода, и усы были белыми, как у старика.

Так что другим я его и не помню. Лишь на ранних снимках он — с чёрной шевелюрой.

А ведь ему тогда было всего 45 лет!

Впрочем, и моя мама тоже рано поседела. И только сзади осталась прядь чёрных волос. Ей было ведь всего 39 лет! Дядя Жоржик до войны был директором крупного строительного завода, а потом воевал на Ленинградском фронте.

Он вступили в партию большевиков ещё в 1917 году. Активно участвовал в работе партии. Его отец, и мой дед Николай Эйзенберг был другом и соратником Луначарского. Всячески способствовал революционному движению. К сожалению, эпидемия испанки рано оборвала его жизнь. Он скончался в 42 года, оставив 9 детей.

В 1945 году дядя Жоржик вышел из партии, положив в партийном комитете на стол заявление и партбилет - тогда многие выходили из партии. После этого его сняли с должности директора строительного завода. Но он не остался без работы и устроился на Ленинградский вагоностроительный завод им. Егорова техническим фотографом. И по по многочисленным заказам работал ещё фотохудожником.

Наш дом состоял из двух корпусов, двух дворов - колодцев, разделённых третьим корпусом. Но всё вместе называлось домом с одним номером — 15.

В доме была своя котельная, которая подавала горячую воду для отопления квартир.

На первом этаже поперечного здания, между дворами была даже своя большая прачечная с горячей водой. Там работали прачки, которые стирали бельё в больших лоханях.

Я помню дворницкую с жилым помещением для дворника и подсобное помещение, где стояли его инструменты: лопаты, метлы, скребки для снега. Было также жилое помещение для кочегара.

Планировка всех квартир была одинаковой: большая кухня с огромной печной плитой, два широких двойных окна и массивная двойная дверь с заметным промежутком между створками. Холодильников тогда ещё не было и скоропортящиеся продукты хранили между оконными рамами или в сетке за окном.

А дверь на кухне выходила на чёрную лестницу. Парадная дверь была в прихожей.

Между кухней и прихожей пролегал коридор, находились жилые комнаты, кладовка, ванна и туалет.

Вот метраж всех помещений:

Прихожая 20 кв. метров, гостиная 30 кв. метров, столовая 25 кв. метров, детская 25 кв. метров, спальня родителей 14 кв. метров, кладовка 8 кв. метров, туалет 8 кв. метров, ванна 1 кв. метр. И длинный предлинный коридор.

Коммунальные квартиры, как массовое явление появились в СССР после революции 1917 года, в результате политики «уплотнения». Советская власть конфисковала просторные многокомнатные квартиры для решения острого жилищного кризиса и «передела» жилья. Этот процесс превратил бывшие доходные дома в коммуналки с общей кухней и санузлом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.